

ЕВГЕНИЙ БОРОВИКОВ

ДИЛЕММА
ДИКОБРАЗОВ
РАССКАЗ

ТРИ ЧАСА ДО
СМЕРТИ

Евгений Боровиков
Три часа до смерти

«Автор»

2026

Боровиков Е.

Три часа до смерти / Е. Боровиков — «Автор», 2026

Южный Урал, 1872 год. Берёзовка окружена недругами со всех сторон, и тогда, чтобы спасти своих детей, Варвара решается на отчаянный шаг. Примечания автора: Желательно, но необязательно прочитать первый том серии («Слепой котёнок»).

© Боровиков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ТРИ ЧАСА ДО СМЕРТИ.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Евгений Боровиков

Три часа до смерти

ТРИ ЧАСА ДО СМЕРТИ.

18 августа 1872 года, Берёзовка

Пламя одинокой свечи загадочно мерцало, отражаясь в ярко-зелёных глазах молодой рыжеволосой женщины, что сидела за столом, подперев подбородок рукой, и сверлила старосту требовательным взглядом. Стол был добротным, сколоченным из хорошо высушенной и правильно выдержанной листовницы. Степан сам четверть века назад подбирали досточки одну к одной и своими руками склотил столешницу. Хотел сделать Варваре приятное.

Староста сидел молча, только насупленные брови и крепко сжатые кулаки выдавали его тревогу и растерянность, но глаз не отводил. Отсветы пламени играли в его густой бороде, гуляли по щекам, щекотали кончик носа. За стенами избы клонился к закату тёплый летний день, но искусно сделанные ставни были плотно закрыты на массивные щеколды, не позволяя даже малому лучику света проникнуть в темноту горницы.

Из подпола тянуло прохладой. Нос щекотал непередаваемый аромат тысячи запахов. Пучки сушёных трав рядами свисали с веревок, растянутых под потолком. Широкие полки, густо набитые вдоль стен, были сплошь заставлены жестяными баночками, стругаными плоскими и глиняными горшочками с самым разнообразным содержимым: от толчёной селитры до мутных капель смолы неведомых деревьев, от сушёного корня папоротника до кусков змеиной кожи.

Мужчина тяжело выдохнул, опустил взгляд, почувствовав, что снова тонет в колдовских глазах, а сердце в груди начинает биться в такт мерцанию пламени.

– За тобой долг жизни, Степан. И я требую своей платы. Время пришло, – медленно выговаривая каждое слово, наконец вымолвила рыжая прелестница.

– Но такое Нельзя об этом просить. Грех же! – нетвёрдым голосом ответил собеседник.

– Я не прошу, я требую! Пойми, Стёпка, я хочу уйти на своих условиях. Быстро и легко, а не мучиться, распятой на кресте, до самого рассвета!

Стёпка. Это для сельчан он староста, уважаемый Степан Дормидонтович, шести десятков лет от роду. А для неё – Стёпка. Только для неё, и ни для кого больше – даже жена никогда не осмеливалась его так называть. И долг жизни за ним есть, истинно. Даже два, но за один он рассчитался сполна, своим телом и душой, двадцать три весны назад, и думал, что на этом всё закончилось. А потом сам пал перед Варварой на колени, вымаливая жизнь для первенца. Тогда Ивана, только разменявшего пятнадцатый год, свалила гнилая лихоманка. Ни перед кем больше за жизнь не унижался, а вот пришлось. И не отказала Варвара, только зыркнула на него своими глазами бесстыжими, кивнула и пошла в избу. Две недели никого не подпускала, выхаживала парня, вернула тощего да сушёного, словно лежалую воблу, но с румянцем во всю щёку, живым и по-прежнему смешливым.

– Говори точно, что сделать надобно, – он всё-таки собрался с духом.

– Сперва созови всех мужиков крепких, толпу. Крикливых да малахольных не надобно, охотников и лесорубов лучше. Как солнце краем земли коснётся – придёте сюда все, с факелами зажжёнными. Ты сам зайдёшь в дом, я тут, на лавке, буду. Отвара ядовитого выпью перед твоим приходом. Рядом найдёшь верёвку, ею свяжешь туго, накрепко. Мне уже всё равно будет. За руки и за ноги меня возьмёшь сам, с сыновьями своими, других гони. Отнесёшь в мастер-

скую, через всю деревню. Баб близко не подпускайте – а то чёрной смертью изойдут тотчас. Да и выт্যা в последней дороге слышать не желаю, это мой день и моя ночь.

– Дальше что? – глухо спросил Степан, так и не поднимая головы, уперев седую лопату бороды в грудь.

– Занесёте моё тело в мастерскую – пусть лучше она сгорит, чтобы всю Берёзовку не поджечь ненароком. Там, посере́дке, куча сена будет лежать – прямо туда и кладите. Потом дверь снаружи поленом сам, лично подопрёшь и с четырёх концов запаливайте. Близко не суйтесь – гореть будет ярко, внутри сушняка и всякого такого в избытке.

– Грех-то какой, – староста без суеты перекрестился, глянул сызнова в зелёные, с пламенем, глаза.

– В чём грех, Стёпка? Тело сжечь? То просто обряд погребения древний, а руки я сама на себя наложу.

– Верёвка тогда зачем?

– Это для пришлых, пусть смотрят, радуются. Висок кровью измажу, вот и будет казаться, что силой ты меня вязал, да не рассчитал.

– Меня люд потом живьём сожрёт, Варвара! – чуть повысил голос староста.

– Людям объяснишь, что так надобно, чтобы село спасти. Али им жизнь не дорога стала? И бабам скажи, что сама я смертушку свою почуяла, они поймут.

– С чужаками что?

– Придут утром пепел поворошить, так ты не мешай, пусть роятся. Им заказчикам да хозяевам надобно хоть что-то показать. Костей всяких у меня там по углам припрятано много – найдут. Только моих там не будет: прогорю дотла да улечу на небо.

– А может соберём всех мужиков да пришлых пойдём воевать? Ночью? Тайга не выдаст, – здоровенный кулак стукнул по столешнице, пламя на секунду мигнуло. Борода Степана воинственно встопорщилась.

– Дурачок, – ласково, словно уговаривая неразумное дитя, молвила женщина. – Что твой Ерофей утром насмотрел, повтори-ка?

– Полусотня немцев, всех мастей. Все при оружии. Монахи с чётками. Господа при шпагах. Два часа ходьбы отсюда.

– Наёмные душегубы, которые, не моргнув глазом, вырежут всё село. Люди королевского двора, что на меня смертельную обиду затаил три десятилетия назад. Церковники, что всю жизнь ересь огнём и кинжалом привыкли искоренять. И бог его знает, кто ещё слетелся попиловать на моей тризне. Одним нужны книги и записи, вторым – жизнь, а третьим – душа. На холмах вокруг села уже люди рассажены, меня высматривают, не проскочить. Ты на них собрался идти с топорами и несколькими ружьями?

Степан поник, шумно выдохнув. Кулак, минуту назад готовый ломать чужие рёбра, разжался.

– Моя жизнь так дорого не стоит, – улыбнулась Варвара, положив ладонь поверх его руки.

– Спаси село, староста, это твой долг.

– Дожили, – проворчал собеседник. – Немчура лютует, как у себя в Европах.

– Уверена, у них и все документы выправлены как надо. Осёл, гружённый золотом, открывает любые двери. Ступай теперь и на закате возвращайся.

Оба встали. Варвара лёгкой упругой походкой обошла стол, приподнялась на цыпочки и поцеловала Степана в щёку. В полутьме её кудри мазнули по грубой, морщинистой и обветренной коже, пахло сиренью, чем-то ещё. Он на секунду прикрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.